
Иллюзия Костало
Мир в ангарах 2. Свет далеких звезд

Иллюзия Костало

Мир в ангарах 2.
Свет далеких звезд

«Автор»
2026

Костало И.

Мир в ангарах 2. Свет далеких звезд / И. Костало — «Автор», 2026

Вторая часть «Мира в ангарах». Илья думал, что трещины остались в прошлом. Год без трещин, обычная жизнь — но холодная линия у подъезда напоминает: Договор не закончился, он изменился. Авария, кома — и сознание Ильи переносится на планету Аэллия, к морю с двумя лунами. Здесь его ждёт Лея, которая знает: он должен пройти путь и увидеть то, что покажут. Семеро наблюдателей уже отметили его выбор. Сможет ли он вернуться домой, к матери и коту, и что откроется ему по ту сторону звёзд? История о цене одного выбора и свете, который идёт слишком долго, чтобы успеть.

© Костало И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тот, кто считает 6
Глава 1. Год второй 8
Глава 2. Авария 10
Глава 3. Берег 12
Глава 4. Аэллия 15
Глава 5. Не бери больше, чем нужно 18
Глава 6. Птицы 21
Глава 7. Проём 24
Глава 8. Терра 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Иллюзия Костало
Мир в ангарах 2. Свет далеких звезд

Часть первая. Свет далёких звёзд

Пролог. Тот, кто считает

Над сектором, где не было неба, висела тишина.

Не та тишина, что стоит в пустой комнате, когда не с кем поговорить, и не та, что лежит в лесу зимой, когда снег гасит все звуки. Это была другая тишина — тишина тех, кто видел слишком много, чтобы удивляться, и слишком мало, чтобы вмешиваться.

Их было семеро. Они сидели в кольце света, которое не отбрасывало теней. Лица у них были, но человеческий глаз не смог бы их запомнить. Не потому что они были страшными. Потому что они были слишком большими для человеческого восприятия. Как если бы кто-то попытался рассмотреть океан через замочную скважину.

Перед ними медленно вращалась проекция. Сфера. Огромная, покрытая трещинами, запечатанная. Внутри — миры, которых не счесть, сжатые в один комок, как опухоль в здоровой ткани. Миры, которые когда-то были планетами, а потом стали клетками одного большого организма.

Трещины пульсировали, как вены. В пульсациях была своя ритмика — медленная, тяжёлая, как дыхание спящего зверя.

— Человек с Земли закрыл одну трещину, — сказал один. Голос у него был ровный, без эмоций, как у того, кто давно перестал удивляться чему бы то ни было.

— Одну из тех, что не счесть, — сказал другой. — Это ничего не меняет.

— Меняет, — сказал третий. — Он выбрал тогда, когда мог сломаться. Выбор меняет всегда.

— Меняет его. Не счёт.

— Счёт — это они и есть, — сказал третий. — По одному. Другого счёта у нас нет.

Сфера вращалась. Где-то там, внутри, на маленькой планете, которая даже не была одним из этих миров, жил человек по имени Илья. Он не знал, что за ним смотрят. Он просто замазывал трещины цементом и надеялся, что этого хватит. Он не знал, что его выбор — один из тех, что совершаются каждый день в этой сфере, — был замечен. И не просто замечен. Он был отмечен в столбике.

— Договор изменился, — сказал первый. — Мы предупредили. Они не поняли.

— Они поймут, — сказал третий. — Когда придёт время.

— А если не поймут?

Тишина. Сфера вращалась. Трещины пульсировали.

Где-то внутри женщина с больным ребёнком шла по улице и не знала, что её жизнь — часть чужого уравнения. Где-то в другом мире мужчина поднимал руку на жену и не знал, что это не его гнев. Где-то в третьем ребёнок рисовал на асфальте мелом многоугольник в многоугольнике и не знал, что видит схему мироздания.

— У него в мире трое, — сказал второй. — Трое, кто видит. На целый мир.

— На целый мир всегда трое, — сказал третий. — Больше не бывает. Меньше бывает.

— И этого достаточно?

— Это то, что есть. Мы не выбираем, сколько. Мы пишем, сколько вышло.

— Тогда зачем спорить про одного?

Второй не ответил. Сфера сделала оборот. В одном из миров, у подъезда, человек присел на корточки рядом с линией в асфальте и поставил колено в лужу, потому что больше ему было некуда присесть. Никто из семерых не повернул головы. Они и так всё видели, и видели это одинаково — целиком и без интереса.

— Тогда мы сделаем то, что должны, — сказал первый. — Как всегда.

— Как всегда, — повторил второй.

— Мы не спасём, — сказал третий. — Мы посчитаем. Не путайте.

Никто ему не ответил. Это было не возражение. Это было то, с чем все согласны и о чём не разговаривают.

Считать было некому больше. В том и состояла вся работа: семеро, которые не могут вмешаться, и миры, которые не могут докричаться. Между ними — Договор. У Договора всегда две половины, и обе неудобные.

Старый Договор разрешал одно — свет. Ровно свет. Мысль, которая пришла вовремя. Разговор в соседнем подъезде, который человек не должен был услышать и услышал. Хороший пример чужой жизни, замеченный мельком. Ничего больше. Ни руки, ни голоса, ни неба, раскрытого над головой, — только свет, который идёт слишком долго, чтобы успеть.

Новый Договор разрешал одно прикосновение. Одному, кто уже не мог иначе, — показать, как может быть. Не спасение. Чертёж.

— Один, — сказал второй. — Из тех, что не счесть.

— Из всех достаточно одного, — сказал третий. — Так это и работает. Всегда работало. Другого способа у нас нет, и за двести миллионов лет ничего лучше не придумали.

— Придумали, — сказал первый. — Те, кто ушёл. Они придумали. Только они придумали сами, без нас.

Тишина снова сомкнулась над сферой, как вода над камнем.

На Земле, в городе, которого нет ни на одной карте, Илья стоял на крыльце и смотрел на серое небо. Он не знал, что за ним смотрят. Он просто ждал. Чего — он не знал. Ждал, потому что не знал, что ещё делать. Ждал, потому что ждать было легче, чем бояться.

А далеко отсюда, в мире, который много веков назад ушёл со своего берега, женщина по имени Лея стояла у воды и смотрела в ту же сторону. Она знала, что он придёт. Она ждала всю жизнь — не его лично, а его выбор. Тот момент, когда кто-то на Земле поймёт то, что поняли её предки двести лет назад. И она знала, что этот момент рядом.

— Скоро, — сказала она.

Вода была прозрачная, в ней двигались рыбы с плавниками, похожими на крылья. Небо над ней было фиолетовое, и на нём горели две луны — большая белая и маленькая красная. Воздух пах солью и чем-то сладким, как будто рядом цвели цветы, о которых он бы ничего не знал, даже если бы жил здесь.

— Скоро, — повторила она и пошла к городу, потому что кто-то должен был приготовить воду, и свет, и терпение.

Море ответило ей тишиной. Но это была другая тишина — не тишина тех, кто считает. Это была тишина мира, который научился жить без зла и не считал это чудом.

Глава 1. Год второй

Трещин не было уже год.

Сначала Илья проверял. Каждое утро выходил и смотрел: асфальт у подъезда, площадка с покосившейся горкой, гаражи. Ничего. Потом перестал проверять. Потом привык. Потом однажды утром вышел, посмотрел на асфальт и понял, что смотрит не потому что боится, а потому что так привычно, как посмотреть на погоду.

Жизнь стала обычной. Работа, отчёты, начальник, соседний отдел. Дом. Мать по выходным — автобусом, два пересадочных, больное колено, пирожки, «ты приходи, не пропадай». Борис по средам. Серый по утрам.

Кот за год вырос, отъелся и обнаглел. Он больше не спал на коленях — предпочитал подоконник, откуда следил за двором с видом хозяина. Но по утрам выходил на крыльцо вместе с Ильёй и садился рядом, глядя в ту же сторону, что и он. В какую сторону — Илья не знал и не спрашивал.

В ту среду у Бориса папки лежали в шкафу, как всегда. Он доставал их, перелистывал, но новых записей почти не делал. Говорил: «Пока тихо. Надо отдыхать, пока тихо». Илья соглашался. Тетрадь он не бросал, но писал в неё не про трещины, а про жизнь. Про то, как Серый гоняет по двору сухой лист и прыгает на него, как на добычу. Про то, как Вера впервые за долгое время засмеялась, поскользнувшись на луже. Про то, что Пётр привёз из рейса магнитолу и слушает одну и ту же кассету.

На столе у Бориса лежал лист. Не папка, не карта — просто лист в клетку, придавленный линейкой и гранёным стаканом. Илья со своего места видел только край: клетчатый, засаленный на сгибе, и сверху столбик слов, которые Борис всегда держал под бумагами.

— Что это?

— Список, — сказал Борис. — Я его двенадцатый год веду.

Он придвинул стакан ближе, закрыл лист, как закрывают страницу книги, чтобы не потерять место. Илья смотрел на этот стакан и не пытался его отодвинуть. Он знал про чужую двенадцатилетнюю работу ровно столько, сколько можно знать про неё со стороны: что она в три столбика и что она не для ободрения.

— Много, — сказал Борис.

— Чего много?

— За год. — Он не поднял головы. — Не спрашивай. Потом расскажу, когда это будет иметь значение.

Илья не стал настаивать. Он выучил за два года, что Борис говорит «потом» только тогда, когда действительно собрался сказать.

На столе лежала и та бумажка. Сложенная вчетверо, с загнутыми углами, с ровным почерком человека, который привык писать. «Договор не закончился. Он изменился. Теперь вы внутри нового. Готовьтесь». Она пришла в почтовый ящик в среду ровно год назад. Борис отдал её Илье через месяц — «мне она на стене не нужна, а тебе надо помнить, за что ты держишься». С тех пор лист жил у Ильи в кармане куртки и стал мягким, как ткань.

— Я думал об этом, — сказал Илья. — Про время между. Николай писал: будет первый — предвестник, будет второй — настоящий, а между ними время, чтобы выбрать. Мы всё время понимали это как «время спрятаться».

— А теперь?

— А теперь я думаю, что это время, чтобы успеть начать.

Борис посмотрел на него долго. Потом кивнул и сказал то, что говорил редко:

— Ты стал говорить как человек, который что-то знает. Это плохо. Знающие хуже, чем сомневающиеся.

— Почему?

— Потому что сомневающийся спрашивает.

Вечером Илья шёл от остановки через двор и смотрел под ноги, как всегда, потому что асфальт тут был старый и зимой его рвало. У третьего подъезда он споткнулся взглядом о линию.

Ровную. Как будто её провели линейкой. Она шла от бордюра к подъезду и исчезала под бетоном.

Илья остановился. Он постоял, глядя на неё, и подумал: шов. Плита к плите. Так бывает, так было всегда, он тут два года живёт и мог сто раз пройти мимо.

Он всё-таки присел на корточки и поставил колено рядом с линией — не на неё, рядом, потому что асфальт был мокрый.

Холод шёл через ткань штанины. Слабый, но он был. Не как от земли в октябре. Как от дверцы морозилки, когда откроешь и стоишь.

Илья посидел так, наверное, с минуту. Потом встал, отряхнул колено и пошёл к своему подъезду. Он не стал проверять дальше и не стал звонить Борису. Он сказал себе, что это шов, и в общем-то это была правда: швы тут были, он их видел. Он не сказал себе только одного — что швы не бывают холодными.

Дома он достал тетрадь и записал:

«Год второй. День девятый. Трещин нет. Работаем, держимся, живём. У Бориса список, три столбика, цифр не сказал. У подъезда № 3 линия. Наверное, шов».

Он подумал и дописал:

«Наверное».

Он закрыл тетрадь. Серый спал у него на коленях, свернувшись в серый шар, и под утро перелез с подоконника на кровать и лёг между ног, чего раньше не делал никогда.

Илья проснулся в темноте оттого, что кот сидел перед дверью и смотрел в щель. Он полежал, слушая тишину за дверью. Тишины было ровно столько, сколько её бывает в доме, где все живы.

Он не стал будить кота и не стал выходить. Он закрыл глаза и подумал, что завтра спросит у Бориса про швы.

Завтра будет завтра. Пока.

Глава 2. Авария

Всё началось с дождя.

Не с того дождя, что барабанит по крыше и убаюкивает, и не с того, что идёт стеной и превращает мир в серую пелену. Это был мелкий нудный дождь, который не кончается и не начинается, а просто висит в воздухе взвесью. Он шёл третий день, и от него всё стало серым — небо, дома, люди, мысли.

Илья ехал от Бориса поздно вечером. Машина была не его: Пётр дал «Ниву» на сутки, потому что Илья собирался везти из города мешки с цементом и в свою легковую они бы не влезли. Пётр сказал при выдаче: «Она не любит быстро. Она любит ровно, как я». Илья сказал, что понял, и ехал ровно, как Пётр, то есть отвратительно.

В кармане куртки, на сиденье, в подстаканнике — везде у него была одна и та же мысль. Записка. «Договор не закончился. Он изменился. Теперь вы внутри нового. Готовьтесь». Он перечитывал её в тетради раз двадцать. Она не становилась понятнее.

Что значит «изменился»? Что значит «нового»? Борис не знал. Илья не знал. Никто не знал. И это незнание было хуже страха. Страх можно понять: он про конкретное. Незнание — нельзя.

Ехал он по старой дороге — той, что за городом, с насыпями по бокам. Пётр говорил: «Я тут провалился. Тут не надо останавливаться». Илья никогда не останавливался на этой дороге и не любил её. Не потому что боялся. Потому что на ней было ощущение, что ты едешь по коридору, а не по полю, и что у коридора есть тот, кто в нём стоит.

Он не заметил, как уснул. Закрыл глаза на секунду.

Одну секунду. Он потом вспоминал эту секунду много раз и каждый раз думал: а что, если бы включил радио? Что, если бы выпил кофе? Что, если бы не поехал в десять вечера с чужой машиной, которую не знает? Но это было потом. А тогда была только секунда, и в эту секунду мир перевернулся.

Машину занесло на мокром повороте. «Нива» пошла боком, выехала на встречку, и там шёл гружёный самосвал, который не мог затормозить, потому что ему было негде тормозить. Удар был негромкий и очень короткий, как по огромному пустому баку. Стекло не разбилось — оно осыпалось внутрь мягко, как крупа.

Боли он не почувствовал. Ничего он не почувствовал, кроме того, что лежит.

Он лежал в траве у обочины. Тело не слушалось: он хотел пошевелить пальцем и не мог, хотел сесть и не мог. Двигались только глаза. Он видел небо, видел рядом перевёрнутую «Ниву», видел, как по асфальту течёт что-то чёрное и блестящее.

Кто-то бежал. Кто-то кричал: «Скорую!» — и это слово он понял, а всё остальное нет. Голоса долетали как из-за стены и не были словами. Они были чистыми эмоциями: страх, паника, жалость, и ещё что-то колючее, чего он не умел назвать. Он чувствовал их, как чувствуешь сквозняк, но ответить не мог.

И небо стало другим.

Не серым. Не чёрным. Оно стало глубже, как будто кто-то снимал с него слой за слоем. Звёзды оказались не точками, а шарами, объёмными, и свет от них не слепил, а грел, как греет лампа, если поднести к ней руки. Илья поднёс. То есть не поднёс. Он лежал. Но он почувствовал это так, как чувствуют руки, которые тебе греют.

Среди звёзд была одна точка, маленькая и голубая. Она росла — медленно, как капля на стекле, которая вот-вот сорвётся. Она не срывалась. Она росла.

Илью тянуло туда. Не тело: тело лежало в траве, и он про него помнил, и ему было за него немного неловко, как за оставленную на лавке сумку. Тянуло другое. То, что внутри и не имело имени.

Он подумал про мать. Подумал, что ей шестьдесят восемь, что до неё два пересадочных и что она завтра не узнаёт про десять вечера и чужую машину. Он подумал, что надо было позвонить в среду, а не в субботу. Он подумал про кота, что тот останется у Веры, и Вера будет ругаться с ним, как с курами, и кот это стерпит, потому что ему уже всё равно, где жить, лишь бы кормили и не выгоняли.

Потом он подумал, что не хочет умирать на обочине, потому что обочина — место для того, кто прошёл мимо.

Голубая точка заняла полнеба.

Он закрыл глаза. А когда открыл — обочины не было.

Он стоял на берегу моря.

Глава 3. Берег

Первое, о чём он подумал, были ботинки. Ботинок не было. Ни одного. Они остались там, где осталось всё остальное: перевёрнутая «Нива», мешки с цементом, дождь третий день и то в траве у обочины, что не шевелилось.

Песок был тёплый. Не горячий — тёплый, как батарея в сентябре, когда отопление ещё не дали, а день выдался. Илья подвигал пальцами и перешёл туда, где песок был темнее, у самой кромки. Там он был прохладный.

Море было не его. Он понял это по воде. Вода была прозрачная, как стекло, и через неё было видно дно — плиты, песок, тёмные полосы, — и видно, что дно далеко, на три человеческих роста, хотя вода стояла, как в тазу.

По прозрачности прошли рыбы. Плавники у них были не плавники, а крылья, и двигались они ими, как птица крыльями. Чешуя светилась — не ярко, а ровно, изнутри, как светится уголь, если на него не дуть.

Небо не было ни синим, ни серым. Оно было фиолетовое, у горизонта светлее, наверху темнее. Луны были две: одна большая, белая, вторая маленькая, красная. Стояли недалеко друг от друга, как будто им так было договорено.

Воздух был без лишнего. Соль. И что-то сладкое, далёкое, чего он назвать не умел. Он постоял, вспоминая, чем пахнет воздух у него. Бензином на перекрёстке. Пылью с площадки. Капустой из подвала, когда открываешь дверь. Здесь не пахло ничем, чего не должно быть.

У кромки песка стояли деревья. Он смотрел на них долго и не сразу понял, что они светятся. Слабо, изнутри, как лампа за занавеской. Он зажмурился, открыл глаза — ничего. Посмотрел снова, долго — и свет вернулся. Не обман. Привычка глаз.

Илья стал проверять себя. Он умел проверять: так он принимал чужую работу. Раз — он дышит, и дышит сам, без усилия. Два — у него есть вес, и ветер есть, и песок есть. Три — он помнит фамилию, отчество, номер автобуса до матери и что пирожки держат на нижней полке. Четыре — в среду к Борису, в четверг к начальнику.

Он подумал, что сон не держит детали. Во сне не помнят, откуда приехали и зачем пришли. И во сне не тянет проверить карман.

Карман. Куртка была на нём. В левом кармане нашлась тетрадь — мятая, с загнутыми углами, его. Под ней записка, ставшая мягкой, как тряпка. Он не стал её разворачивать. Он положил на неё пальцы и подержал.

Тетрадь была здесь. Значит, и он был здесь не в гостях.

Кричать он не стал. Кричать на пустом берегу — это разговаривать с собой вслух. Он и так достаточно говорил с собой за эти два года.

Он пошёл вдоль кромки, туда, где берег уходил в мыс. Шёл и считал шаги, потому что иначе ноги не знали, зачем их переставлять. За сто шагов берег не кончился. За двести — тоже.

Следов на песке не было. Кроме его собственных: две полосы от босых ног, идущие из ниоткуда. Ни собачьих, ни колёс, ни тележки. Он обернулся: они тянулись до самой воды и обрывались, как оборвалась та секунда в машине.

И звуков не хватало. Волны были, шелест был. Не было чаек, не было далёкого гула трассы, не было скрипа качелей с площадки, не было соседа сверху, который в воскресенье включает музыку, потому что может.

Тишина была целая, не огороженная. От этого становилось не по себе, и он объяснил себе это просто: тут нечего слушать, потому что тут нечего прятать.

Женщины он не заметил. Она не подошла. Просто в какой-то момент она уже была рядом, как будто они шли вместе, а он на секунду отвернулся к воде.

— Ты пришёл.

Голос был ровный, без удивления. Так говорят с тем, кто пришёл вовремя и кого ждали.

Илья повернулся. Высокая. Длинные тёмные волосы шевелились, хотя ветер был слабый. Глаза старше лица — он не понял, как это узнал, но узнал сразу. Длинная рубаха, подпоясанная шнуром. Босиком, как и он.

— Кто вы?

— Лея, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Долго?

— Ровно сколько надо.

— Где я?

— На Аэллии, — сказала Лея. — Мир. Две луны, вода прозрачная, воздух без лишнего. Привыкнуть к этому — самое лёгкое из того, что тебе предстоит.

Илья посмотрел на море. Рыбы прошли снова, крыльями.

— Я умер?

— Нет. Ты в коме. Твоё тело лежит в больнице. На Земле. Ты приехал не телом.

— В какой больнице? — спросил Илья.

— Я не знаю, — сказала Лея. — Я слишком далеко, чтобы знать такие вещи. Отсюда больниц не видно.

— Насколько далеко?

— Двести миллионов световых лет.

Илья попробовал это представить. Он начал с того, что до Луны, потом до Солнца, потом до ближайшей звезды, — и на четвёртом шаге у него кончились понятия. Он не обиделся на цифру. С числами, которые не влезают, работать нельзя. С ними можно только жить.

— А кот?

— Какой кот?

— Серый. Он у Веры. Вера будет ругаться с ним, как с курами, а он стерпит.

— Он у неё в доме, — сказала Лея. — Живой и голодный к утру. Это всё, что я могу сказать про то, что далеко.

Илья принял это. Вестей у него не было, зато было понятно, чего здесь не бывает: не бывает тут ни почты, ни телефона, ни «дозвонитесь, когда сможете».

— Это сон?

— Нет. Это не сон. Это реальность. Твоё сознание путешествует. Редко, но бывает.

— Со мной не бывало.

— С тобой бывало, — сказала Лея. — Ты видел трещины. Ты не должен был их видеть.

— Почему я?

— Потому что ты видел, — сказала Лея. — Потому что замазывал. Потому что выбирал. Ты был готов.

Она помолчала, и море за её спиной не шевелилось.

— И потому что кто-то должен увидеть то, что мы покажем.

— Других нет?

— Есть. — Она посмотрела на воду. — Они придут после. Если ты дойдёшь.

Илья начал спорить. Не потому что не поверил, а потому что умел только так. Как на работе, когда ему приносят чужую смету и он ищет, где завышено.

— Мне не нужна весть про хороший мир. Мне не нужны новости.

— Это не новость.

— У меня мать одна. Шестьдесят восемь. Колено. Два пересадочных. Я должен был позвонить в среду, а позвонил в субботу. — Он говорил быстро, как отчитываются. — Мне надо встать. Не посмотреть. Встать.

— Ты встанешь, — сказала Лея.

— Когда?

— Не знаю, — сказала она. — Но встанешь. Для этого надо пройти со мной.

Он не должен был идти. Все правила, которые он знал за сорок лет, говорили, что не должен. Час назад он не знал этой женщины, не знал этого моря и не знал, принадлежит ли ему вообще тело, в котором он стоит.

Страха не было. Была усталость — та, с которой не спорят. И ещё одно, о чём он не умел рассказать: после трещин, после записки, ставшей мягкой от носки, после листа в клетку у Бориса он всегда ждал, что будет что-то, что объяснит. Не что это придёт. А что это есть.

Он взял её за руку. Рука была тёплая и сухая, самая обычная вещь на этом берегу.

И они пошли.

Глава 4. Аэллия

Дело было не в двух лунах. И не в фиолетовом небе, к которому, как оказалось, привыкаешь за десять минут. И не в рыбах с крыльями. Дело было в людях.

Город начался без границы. Дома шли вровень с деревьями, и Илья сначала принял их за деревянные, а потом провёл ладонью по стене и не понял. Не дерево. Гладкое, тёплое, как разделочная доска, которую подержали у печи.

— Она держит тепло, — сказала Лея. — Так сделали.

Деревья росли прямо между домами, и на них висели плоды. Мужчина шёл мимо, сорвал один на ходу, укусил и пошёл дальше, не сбавляя шага. Мыть не стал. Илья смотрел ему вслед, как смотрят на человека, который налил воду прямо из-под крана и выпил.

— Он знает, что можно?

— Они знают, — сказала Лея. — Тут не бывает, чтобы нельзя.

Илья искал глазами урну. Урн не было. Мусора не было тоже — не как в чистом дворе, где дворник в шесть утра выметает окурки, а просто не было. Ни бумажки, ни пакета в углу, ни бутылки в траве.

— Тут кто-то убирает?

— Некого, — сказала Лея. — Никто не бросает.

Люди. Он думал про них всю дорогу и всё равно не был готов. Они не озирались. Не спешили. Не толкались на узком месте и не прижимали к себе сумки, когда он проходил.

Илья шёл и придерживал куртку обеими руками. Он понял это только тогда, когда сам себя поймал. Он опустил руки. Ничего не случилось.

— Тебе помочь? — спросил мужчина, поравнявшись.

— Мне бы туда, куда мне скажут.

— Тогда иди за Леей, — сказал мужчина и пошёл дальше.

Навстречу прошла женщина с ребёнком на руках и остановилась.

— Пей, — сказала она и протянула чашку.

Илья выпил. Вода была прохладная и чуть сладкая. Ребёнок посмотрел на него серьёзно и спрятал лицо у матери на плече.

А девочка лет пяти — та просто встала перед ним и сказала:

— Ты новый. Я тебя раньше не видела.

И улыбнулась. Просто, не снисходительно — так улыбаются человеку, который просто не в курсе.

У фонтана Лея села на тёплый камень и показала ему место рядом. В фонтане вода светилась, и в ней плавали маленькие рыбы, поперёк струи, как им было удобно.

— Что здесь не так? — спросил Илья.

— В каком смысле?

— Я ищу, где подвох. — Он смотрел на воду. — Не нахожу. Это хуже подвоха.

Он сказал это вслух и сам не ожидал, что скажет остальное.

— Не злые. Не жадные. Не завистливые. — Он считал, как по акту. — Так не бывает.

Это вышло само, как выходит цена за квадратный метр, которую знаешь наизусть.

— Расскажи про вашу землю, — сказала Лея.

Илья стал рассказывать. Он подумал про Геннадия с ключами, про Артёма, про соседку, которая кричала в телефон за стеной, и про себя — как не встал ночью и не постучал.

— У нас всё устроено так, — сказал он медленно. — В лесу — кто сильнее, того и едят. В городе — кто сильнее, тот и прав. Кто богаче, тот и главнее. Кто громче, того и слушают. И все говорят, что иначе нельзя.

— Сильный поглощает слабого, — сказала Лея. — Так вот как это называется у вас, когда говорят честно.

Илья остановился. Фраза была простая. Он чувствовал её всю жизнь — в очереди, в кабинете, в подъезде, где никто не поднялся, — и она была как воздух, и потому не имела имени. Теперь имя было. Не легче. Яснее.

— У нас это называют природой, — сказал Илья.

— У нас это называли природой, — сказала Лея.

Прошедшим временем. Не «никогда». Уже нет.

— Наши предки ушли от этого, — сказала она. — Не потому что хотели, а потому что должны были.

— От чего должны были?

— От того, что давило. — Лея подождала, пока он посмотрит на неё. — У вас для этого есть своё слово: зона отчуждения. Ещё говорят — граница, край. Мы зовём это Мёртвой зоной. Это одно и то же. Просто у нас это видно со стороны.

Они пошли дальше, и Илья смотрел глазами человека, который всю жизнь принимал чужую работу и искал, чего не хватает. Он искал то, без чего у нас не обходится ни один двор.

Он нашёл ноль замков на дверях. Ноль камер на углах. Ноль заборов поверху, ноль охранников в будке у въезда. Он посчитал это цифрами, потому что цифры его обычно утешали. Ноль не утешал.

— А полиция где?

Лея переспросила. Не потому что не расслышала, а потому что такого слова у неё не было.

— Тех, кто бьёт, — сказал Илья. — Кто забирает. Кто стоит и решает, кому можно, кому нельзя.

— Было, — сказала Лея.

Одно слово. Не «мы святые», не «у нас нельзя». Было — как про дождь, который кончился.

— А если кто-то ударит?

— Тогда придут те, кто умеет говорить. — Лея посмотрела на него. — Придут раньше, чем он ударит второй раз.

Мимо проходили двое с длинной доской на плечах и разговаривали ни о чём. Илья обернулся: у ближайшего дома была открыта дверь, а к стене прислонена лестница, и никто её не придерживал.

— Это что, чинили?

— Крышу. — Лея посмотрела вверх. — Текло в дожди. Чинят.

— Кто назначил?

— Никто. — Она пожала плечами. — Увидели, что течёт.

— А если бы не увидели?

— Увидели бы те, кто живёт под крышей, — сказала Лея. — Тут у каждого есть руки и есть сосед. Третьего не надо.

Илья не нашёл, что возразить. У него бы так не собрались: у него была бы заявка, была бы комиссия, был бы ответ в тридцатидневный срок, и в итоге крышу чинили бы через два года, когда уже нечего чинить.

У длинного стола под деревьями люди ели. Никто не звал, но женщина, проходившая мимо с ношей на плече, кивнула Лее и поставила перед Ильёй миску — не спрашивая, голоден ли он, и не ожидая, что он скажет спасибо трижды.

— Сколько стоит? — спросил Илья и сам услышал, как глупо это звучит.

— Нисколько, — сказала Лея. — Ты тоже постоишь у стола.

— Когда?

— Когда увидишь, что кому-то не хватает.

Он ел и смотрел на руки людей за столом. Руки были рабочие — с мозолями, со сбитыми костяшками, с коротко остриженными ногтями. Этот мир держался не на том, что кто-то кому-то платил. Он держался на том, что у каждого были руки.

К вечеру они сели у воды, и Илья достал тетрадь. Она была с ним. Она была единственное, что перешло сюда вместе с ним: была в кармане, когда он лежал в траве, и была в кармане, когда он встал на песок.

— Тетрадь не тело, — сказала Лея, как будто это было очевидно.

Он записал:

«Год второй. День не знаю какой. Здесь не лучше нас. Здесь просто другие привычки. Привычки тоже можно строить».

Он посмотрел на почерк. Запись была некрасивая, рабочая — как в акте: принято, не принято. Но это была правда, и её можно было проверить завтра. У нас так не умели: у нас правда, которую нельзя проверить завтра, жить не хотела.

Он перевернул страницу.

Глава 5. Не бери больше, чем нужно

Они вернулись на берег. Луны стояли выше, белая стала крупнее, красная — заметнее, и море держало обе, как две монеты на дне.

Лея села на песок, поджав ноги, и положила руки на колени.

— Теперь слушай. Это самое длинное.

— Я никуда не спешу.

— Вот и хорошо. У нас всё самое важное занимает долго.

Она рассказала, как ушли. Земля была на краю — не от войны, войны были у всех и проходили. Хуже было другое: то, что давило, стало обычным, а обычное не лечат. Люди стали теми, кем их делало давление, и перестали замечать, что стали.

— Тогда те, кто понял, стали искать, — сказала Лея. — Искали место, куда это не дотягивается. Такое, где закон не работает.

— И нашли?

— Нашли Аэллию. — Она кивнула на море, на деревья, на пустой песок до самого мыса. — Здесь были растения и вода. Ни зверя, ни человека. Пустой мир. И это было счастье.

Илья посмотрел на мыс, где деревья светились изнутри, и подумал, что у нас пустой мир — это сразу беда: некому, значит, нечего. Здесь, оказывается, бывало и наоборот.

— Первые были как вы, — сказала Лея. — Не почти. Совсем. Делили берег. Делили воду. Убивали из-за угла. Воровали. Прятали. Три поколения жили точно как у вас. Только море было другое.

— И что изменилось?

— Стали считать. — Она подняла руку и отогнула палец. — У нас это называют пятью ступенями.

— Первая ступень — сила. — Лея подняла палец. — Наказывали. Изгоняли. Убивали. Не заработало. Насилие порождает насилие: битый бьёт своего сына, сын бьёт твоего. Силы всегда не хватало.

— Вторая — учить. С детства. — Второй палец. — И объяснять «почему», а не «так надо». Ребёнку говорили: возьми столько, сколько съешь, иначе мы все погибнем. Не «нельзя», а «иначе погибнем». Ребёнок эту разницу чувствует.

— Третья — правило стало привычкой. Уже не надо напоминать. Как с шапкой: никто не напоминает, а на морозе сам наденешь.

— Четвёртая — правило стало частью их. Уже не про поступок, а про человека. Так его делали с рождения, и он делал так же со своими.

— Пятая. — Лея опустила руку. — Через сто лет дети, которые родились здесь, не понимали, зачем брать больше, чем нужно. Спрашивали — и не понимали ответа. Вот это и есть пятая.

— Сколько это заняло?

— Двести лет, — сказала Лея. — Семь поколений. Может, восемь. Мы не считали аккуратно.

Илья прикинул по-своему. Двести лет — это если от деда к внуку, то ни один человек в этой цепочке не видел результата. Каждый только сделал кусок и передал. У нас так не делают: у нас хотят, чтобы результат был при нём.

— А те, кто не ушёл?

— Остались. — Лея сказала это ровно, без жалости и без оправдания. — Кто-то не мог. Кто-то не поверил. Кто-то не захотел бросить дом, потому что дом был и деваться было некуда. Мы про них помним. Мы вообще про многое помним, и это неприятно.

— И что с ними стало?

— Разное, — сказала Лея. — Есть миры, где дошли до самого конца того закона. Есть, где стоят на месте. Есть, где только начали. Я покажу, но не сегодня, — она посмотрела на него прямо, — и только если ты сам скажешь.

Илья не стал говорить, что не хочет. Он подумал, что «не хочу» у него всегда значило «подожду, авось само рассосётся», и промолчал.

— Правило одно?

— Правило одно. Первое. — Лея посмотрела на него. — «Не бери больше, чем нужно».

— «Не бери чужое», — сказал Илья. — Это и у нас есть.

— У нас тоже. — Она покачала головой. — Но это второе. Чужое — это про право. Больше, чем нужно — это про тебя.

Он почувствовал это раньше, чем понял. Чужое можно отнять, перехитрить, обойти, в конце концов украсть так, чтобы никто. А «больше, чем нужно» не отнимешь: это всегда твоё, и знаешь об этом только ты.

— Плод с дерева, — сказала Лея. — Он не чужой. Его можно сорвать, откусить и выбросить. Никто не скажет. Но ты взял больше, чем нужно.

— А чем вы тогда платите? — спросил Илья. — Что у вас вместо?

— Денег нет, — сказала Лея. — Есть ресурсы. Их распределяют по потребности. Не по тому, кто громче.

— А кто распределяет?

— Все. Понемногу.

— Армии нет?

— Армии нет, — сказала Лея. — Есть стража. Она ходит в лес, к зверям. От людей она не нужна.

— Тюрем нет?

— Тюрем нет. — Лея говорила ровно, как перечисляют инвентарь. — Есть места, где живут те, кто не может жить вместе. С ними работают. Держат — нет.

— И помогает?

— Чаще, чем ты думаешь. Реже, чем нам хотелось бы.

— А бедные?

— Бедных и богатых нет, — сказала она. — Есть те, у кого больше, и они делятся. Потому что так принято.

Слово «принято» было сильнее любого закона, и Илья это понял. У нас тоже всё держится на «принято», просто мы об этом не говорим, а делаем вид, что на законе.

— И все согласны?

— Не все, — сказала Лея. — Но большинство. Когда большинство делится, меньшинство либо подчиняется, либо уходит.

— А если человек не хочет делиться?

— Тогда ему стыдно, — сказала Лея. — Вот главное. Когда другие делятся, тебе становится стыдно брать больше. Это не закон. Это чувство. Оно работает лучше закона.

— У нас стыд тоже есть.

— Есть. — Лея не поспорила. — Только у вас он держится, пока на тебя смотрят.

— А если не хватит? — спросил Илья. — Не всем. Зима, неурожай, море ушло. Что тогда — «бери, сколько нужно»?

— Тогда берут меньше, — сказала Лея. — Это то же самое правило, только в худший год. У нас было два таких. Первый кончился плохо, потому что решили, что своим надо больше. Второй кончился хорошо, потому что больше не решили.

— Вы не святые?

— Мы договорились, — сказала Лея. — Это не одно и то же. Святые не устают, а мы устаём. Каждое утро заново. У нас это занимает больше времени, чем у вас, потому что у нас никто не гонится.

Илья сделал то, что умел лучше всего. Он спросил про сроки.

— Сколько нам?

Лея не ответила сразу. Она смотрела на воду, где под поверхностью стояли обе луны.

— Я не скажу, — сказала она наконец. — Не потому что не хочу. Потому что не знаю.

— Хоть что-то.

— Мы не прилетим, — сказала Лея. — Мы не можем прилететь. Мы не можем толкнуть. Мы можем только светить.

— Светить?

— Свет идёт долго, — сказала она. — Поэтому он опаздывает. Доходит всегда, но всегда кажется, что поздно. Вы это видите и не понимаете, что это свет. Думаете — своя мысль пришла вовремя.

— Значит, опоздали.

— Значит, считайте иначе, — сказала Лея. — Не годами. Поколениями.

Он достал тетрадь и записал:

«Не бери больше, чем нужно. Пять ступеней. Двести лет, семь-восемь поколений. Считать не годами, а поколениями».

Она не обещала ему ничего. Ни срока, ни помощи, ни того, что он увидит. Она дала то, что дают в работе, когда делают по-настоящему: чертёж и срок. Чертёж можно открыть в любую минуту, а срок не кончается, пока кто-то продолжает.

И это было больше, чем обещание.

Глава 6. Птицы

Утром он пошёл в город один.

Лея сказала: «Иди один. Я догоню» — и не объяснила. Илья не стал спрашивать. За эти дни он усвоил одно: здесь не объясняют заранее. Здесь дают дойти.

Улица шла вниз, к воде. Дома стояли не рядами, а как попало, и между ними росли деревья, с которых срывали плоды на ходу, как у нас пьют воду из-под крана. Навстречу попалась женщина с ребёнком на руках и спросила: «Ты новый. Ты голодный?» — и он сказал, что нет, что сыт.

Птица села ему на плечо на ходу.

Он не понял, что за птица. Они все были немного похожи на тех, что у нас, и ни одна не была похожа точно. Эта была размером с воробья, серая, с крылом, сложенным не так, как надо, и с шеей чуть длиннее. Он подумал «птица» и не смог добавить, к какому она роду.

Он её стряхнул. Она села на другое плечо.

— Это память, — сказала Лея. Она догнала у поворота и шла спокойно, босиком по камню, как по песку. — Здесь никто не может соврать. Потому что птицы запомнят.

— В каком смысле — запомнят?

— В простом. Ты сказал женщине, что сыт. Это осталось.

— Я не врал. Я правда сыт.

— Правда, — согласилась Лея. — Первая не за враньё. Первая садится на того, кто говорит.

Илья остановился и подумал об этом как человек, который прожил с журналами входящей корреспонденции столько, сколько помнил. У них в канцелярии то, что было записано, нельзя было отменить — можно было только приложить объяснительную. Он сказал это вслух, и Лея кивнула.

— Почти так, — сказала она. — Слово здесь весит. Не как у вас: сказал и забыл. Сказал — осталось. А что осталось, можно проверить.

— Кем?

— Ими. — Лея кивнула на его плечо. — Ты можешь сказать, что ты не виноват. Сядет вторая.

— Я ничего не собираюсь говорить.

— Хорошо.

Он решил проверить. Так он поступал с любым новым правилом: сначала на пробном листе, потом в отчёт.

— Меня зовут не Илья, — сказал он вслух.

Птица на плече не шевельнулась.

— Не считается, — сказала Лея. — Ты не хотел, чтобы это было правдой. Ни на одну секунду.

— А что тогда считается?

— То, что ты знаешь внутри. Птицы слышат не слова. Слова сюда только доносят.

Илья посмотрел на воду. Получалось, что здесь нельзя спрятаться за формулировку, а он всю жизнь прятался именно за неё.

— Тогда у меня в жизни много непроверенных дел, — сказал он.

— У многих, — сказала Лея. — Просто у вас их некому подшивать.

Он шёл по городу, где никто никуда не опаздывал, с птицей на плече, и чувствовал себя как человек, который прошёл в здание без пропуска: стены те же, а стоять внутри нельзя.

На лавке у воды он сел. Птица перешла на спинку и устроилась напротив его головы, как слушатель в зале.

И он начал говорить. Не потому что его попросили. Потому что то, что сидело внутри, тоже имело вес, и этот вес надо было куда-то положить.

— Геннадий, — сказал он. — Седьмой подъезд. Стоял у мусорных баков с ключами в руке и не мог вспомнить, откуда он. Сказал: «Я забыл, зачем я тут». Я спросил: «Проводить?» Мы его отвели. И всё. И я забыл об этом через две недели.

Птица сидела не шевелясь.

— Артём. Пять шагов вниз от его окна. Он их сделал. Я узнал сутки спустя от Славы, и первое, о чём я подумал, было не про него. Я подумал, что теперь в подъезде будут говорить.

Лея села на край лавки и смотрела на воду.

— Соседка с первого этажа. Кричала в телефон ночью. Не плакала, а кричала — в трубку, кому-то. Я лежал и слушал. Я не встал. Я не постучал. Утром спросил: «ты в порядке?» — и спросил затем, чтобы она отвязалась.

— Она ответила?

— «Да, всё нормально». И я обрадовался. Вот это самое мерзкое. Не то, что не пошёл, а то, что обрадовался.

Птица распушила перо на крыле и снова его собрала.

— С сумкой было, — сказал Илья. — Бабушка в переходе, сумка через ступеньки. Я прошёл. Через три шага обернулся, а она уже сама тащит, и мне полегчало. Мне полегчало, понимаете? Я не этого не могу простить. Я того полегчания и не могу простить.

Он замолчал. Вода была прозрачная, в ней светились рыбы, и он смотрел на них, чтобы не смотреть на Лею.

— Осудишь теперь? — спросил он.

— Нет, — сказала Лея. — Здесь тебя бы не судили. Здесь бы спросили одно: ты собираешься продолжать. Вот и весь вопрос.

— И что бы я ответил?

— Ты только что ответил.

Илья посмотрел на своё плечо. Птиц было две.

Вторую он не заметил. Она села на «мне почти не тяжело» — это он сказал ей утром, когда она спросила, тяжело ли ему идти столько. Это была правда, но не вся, а правда по частям здесь стоила столько же, сколько враньё.

До вечера он не сказал больше ни одного вежливого слова.

Они шли обратно к воде, и Лея заговорила про переходы. Не про то, как они устроены, а про то, сколько они стоят.

— За переход платят, — сказала она. — Среда у вас ест память. Это вы и сами знаете, вы в ней живёте. Переход берёт своё сверху. Немного. Каждый раз немного.

— Я думал, это просто усталость.

— Ты устаёшь, — согласилась Лея. — И теряешь. Это две разные вещи.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Ты помнишь, как звали девочку с мелом?

Илья открыл рот и закрыл.

Он знал её две недели. Она рисовала у подъезда мелом многоугольник, а внутри него ещё один, и ещё, и ещё, и говорила: «это мы». Он помнил мел — синий обломок, и как пыль въелась ей в ладонь. Помнил, что мать её ругалась из окна. Имени не было. Не пусто — просто на том месте ничего не лежало.

— Не помню, — сказал он.

— Тогда садись и записывай.

Он сел на камень у воды и достал тетрадь. Она была при нём и здесь, мятая, с разбухшими страницами, — единственное, что перешло вместе с ним.

Он записал: «Птицы. Слово здесь весит. Сказанное остаётся, и его можно проверить. Не врать даже из вежливости. Не бывает мелочи. Девочка с мелом: многоугольник в многоугольнике, „это мы“, синий обломок, мать из окна. Имя —».

Лея посмотрела на страницу.

— Записывай всё, — сказала она. — Утром ты этого не помнишь. Тетрадь — это ты. Ты, который остался.

Илья держал ручку над строчкой.

Он записал её имя и поставил вопросительный знак. Потом вычеркнул знак и написал: «не помню. было».

Глава 7. Проём

Скала стояла в море отдельно от берега.

Тропа к ней шла по камням, а вода на них была такая прозрачная, что казалось, будто идёшь по воздуху над дном. Илья шёл первым, потому что Лея отстала, и это было непривычно. Все дни она шла впереди и ни разу не обернулась проверить, идёт ли он.

— Далеко ещё?

— Здесь.

Проём был в тени, на уровне глаз. Ни двери, ни рамки, ни ступеньки. Просто углубление в скале, в которое взгляд не уходил до дна.

Илья смотрел и не мог понять, что видит. Не темнота: в темноте знакомый порядок, и глаза сами достраивают. Не свет: у света есть край и тепло. Это было другое. Он подбирал слово, не находил и злился.

— Не темнота и не свет, — сказал он.

— Просто другое, — сказала Лея.

Он сделал шаг и остановился, потому что чего-то ждал. Он ждал холода. От линии в асфальте у подъезда № 3 тянуло холодом, как от открытой дверцы морозилки, и за год он научился узнавать это ступней, раньше, чем мыслью.

Холода не было. Не было и тепла.

Ещё он заметил птиц. Здесь, у воды, их всегда были десятки, они дрались за плоды и садились на плечо, если ты говорил вслух. У проёма не сидела ни одна. Не кружила, не садилась на камень, не подходила к краю. Не боялась — просто обходила стороной, как обходят место, где ничего нет.

И это было хуже холода. Холод — это предупреждение, а предупреждение можно вытерпеть: оно хотя бы говорит, где конец. То, что не предупреждает, просто стоит и ждёт, пока ты сам решишь.

— Что это? — спросил Илья.

— Проём. Один из немногих, — сказала Лея. — Ведёт в мир, где люди пошли по-другому.

— Сколько их тут?

— На этот берег — три. В мире — больше, чем ты успеешь увидеть.

— Как он называется?

— У них — по-своему. Мы называем Терра.

— И что там?

— Увидишь.

— Не надо.

Он сказал это слишком быстро, даже для себя. Отошёл на два шага, сел на камень, поставил локти на колени — так, как садился на совещаниях, когда всё уже сказал и ждал, пока перестанут уговаривать.

— Я уже всё понял, — сказал он. — Вы показали город. Я видел, как у вас живут. Я знаю ваше правило и знаю про пять ступеней. Мне не надо смотреть. Я поверил. Чего вам ещё?

— Себе, — сказала Лея.

— При чём тут…

— Ты говоришь «поверил», потому что так удобнее, — сказала она ровно, без упрёка, как читают вслух строчку. — Мы не показываем это, чтобы напугать. Мы показываем, чтобы у тебя был выбор, а не одна вера. Вера без выбора — это привычка.

Привычка. Это было его слово. Привычка — то, что делают не думая, каждый день в одном порядке: та же маршрутка, тот же этаж, тот же стол, тот же ответ «нормально» на вопрос «как дела».

— Я тебе всё перечислил, — сказал он. — У вас нет денег, нет армии, нет тюрем, нет бедных. У вас одно правило и пять ступеней. Я это записал. Я это повторю, когда вернусь, слово в слово. Чего тебе ещё?

— Повторишь, — согласилась Лея. — Только повторить — не то же самое, что выбрать.

— Это одно и то же.

— Это наоборот. Повторить можно то, что не страшно. Выбрать можно только то, чего ты испугался и всё-таки взял.

Илья засопел. Это был плохой разговор, тот самый, в котором обе стороны знают правду, а спорят, потому что иначе придётся вставать и идти.

— У нас так не решают, — сказал он. — У нас сначала цифры, потом решение.

— У нас тоже. — Лея показала на проём. — Это и есть цифра.

— Земля — не ваш проект, — сказал он. — Вы опоздали. У нас там материк, люди, заводы, школы, очереди. Вы не впишетесь.

— Мы и не собираемся вписываться.

— Тогда зачем?

— Затем, что разницу теперь знаешь ты. А один человек — это не ноль.

Илья потёр лицо ладонями. Кожа была сухая и тёплая, и даже это было не то: здесь всё было в порядке, кроме того, что он не хотел смотреть.

— Я боюсь, — сказал он.

Он сказал это вслух и сам не ожидал. Не «не хочу», а «боюсь». За свои почти сорок лет он научился подменять второе первым, а здесь слово весило, и подмена не прошла.

— Я замазывал трещины, — сказал он. — Я всю вторую жизнь замазывал. Думал: замажу — и не считается. Я не хочу смотреть, что из них лезет.

— Именно поэтому ты должен, — сказала Лея.

— А если не выйду оттуда?

— Твоё тело ждёт. Оно не может ждать всегда.

Она сказала это тем же ровным голосом, каким говорила про воду и про плоды с деревьев. Илья услышал: за все дни это было первое, что прозвучало здесь как предупреждение. Не крик. Не запрет. Просто строчка, в которой было столько же интонации, сколько в расписании.

— Там опасно? — спросил он.

— Там правда.

— Это не ответ.

— Это тот же ответ, — сказала Лея. — Ты просто ждёшь от него тепла.

Он посмотрел на проём ещё раз. Он подумал о матери, о том, что ей шестьдесят восемь и что она ждёт звонка в среду. Он подумал, что Борис ждёт, что Пётр ждёт, что в палате под аппаратом лежит тело, про которое он помнит так же, как помнят про оставленную на лавке сумку: неловко, но без страха.

Он достал тетрадь и записал: «Проём в скале. Не темнота и не свет. Не тянет холодом, и это хуже холода. Отказался потому, что удобно. Вера без выбора — привычка. Войду — буду знать».

Он закрыл тетрадь. Пальцы были его, рукав был его, имя он помнил. Он заметил, что проверил это, как проверяют документы перед тем, как выйти из дома.

Илья встал.

Он не сделал шага внутрь. Он просто перестал пятиться и пошёл, как идут в холодную воду: не раздумывая, потому что раздумывать — это стоять.

Лея шла рядом. Её плечо было чуть впереди, и это значило, что она там тоже пойдёт.

У самого края он успел подумать, что вернётся и запишет всё до мелочи, каждую деталь, чтобы не потерять.

А потом подумал, что утром всё равно не вспомнит. Запишет не деталь, а то, что был.

Илья вошёл.

И мир вокруг изменился.

Глава 8. Терра

Первое, что он подумал: здесь выключили цвет.

Потом он себя поправил, потому что цвет был. Небо было голубое, только выцветшее, как старая фотография, которую забыли на солнце. Трава была зелёная, но бурая по краям. Рукав у проходившего человека был синий, а не серый. Краски стояли на своих местах, просто все они были смыты до остатка.

Серое было не в красках. Серое было в лицах.

Он проверил себя первым делом, потому что переход был второй и привычки он не бросил. Ноги держали. Пальцы шевелились. Тетрадь была в руке, рукав был его, фамилию он знал. Ничего не болело, и это было единственное общее с тем, другим берегом.

Больше общего не было ничего.

Солнце здесь стояло высоко и не грело. Тень под ногами лежала короткая, как в полдень, а свет был такой, будто его сначала разбавили. Пахло дымом, гнилью и мочой — три запаха на весь мир, и больше ничего.

Ни музыки. Ни радио из окна. Ни собаки, которая тявкнула бы из-за забора. Тишина была не пустая, а тяжёлая, как в комнате, где только что кричали.

Воздух был тяжелее. Дышать можно было, но это надо было делать нарочно, как на лестнице, которая кончилась этажом выше. Илья шёл и считал шаги, чтобы не думать про дыхание.

Он считал и этажи. Там, где дом был двухэтажный, второй этаж был заколочен досками вкрест, и в одном окне вместо стекла висела тряпка.

Улица сузилась от сараев и пристроек. То тут, то там к стене был приставлен сарай из горбыля и шифера, и там, где когда-то было четыре метра, оставалось полтора. Асфальт был разбит так, что из-под него росла трава.

Бурая трава росла из трещин.

Рука у Ильи дёрнулась сама. Пальцы сжались, будто в них уже лежал мастерок, и он поймал себя на этом и отдёрнул руку, как ловят за локоть человека, который собирается сделать глупость.

На стенах были знаки. Прочитать он их не мог: не то буквы, не то цифры, и на языке, которого он не знал. Но нарисованы они были так же, как те, что зимой появились у их подъезда. Тем же движением: сверху вниз, с нажимом.

Люди шли мимо. Никто ни на что не смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.